

ДЕНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И АССИМИЛЯЦИЯ НАЦИЙ.

После периода зрелости и расцвета национальностей, с отсутствующим их империализмом, когда национальное государство превратилось в многонациональное, начинается процесс денационализации и ассимиляции в этом национальном государстве. Встречаются чужие люди, костюмы, вкусы, те или иные элементы быта. Появляются большие слухи на чужие обряды, верования. Литература и школа принимают оттенок космополитический. Все иностранное, иноверное начинает казаться милее, интереснее родного, отечественного; возмущение патриархального, традиционного начинают отходить, все свое презирать.

Конечно, очень много значит в этом падении национальности факт внешнего физического растворения. Родинаемость нации далеко не поспевает за ростом территории в империи и в колониях, которые завоевывает господствующая нация. Она разрывает плотность своего населения. Правда, она много навязывает и покоренным, она ассимилирует другие малые нации, она достигает больших успехов распространением государственного языка, привитием своей школы, но еще больше, может быть, господствующая нация берет у подчиненных, если больше она варваризируется, денационализируется.

Важную роль в этом процессе играет переход завоевателей на мирное положение. Завоеватели и странствующие торговцы превращаются в земледельцев и бюрократов. Само общество глубоко видоизменяется одновременно с ростом империи. Это изменение мы называем демократизацией, уравнением сословий; оно выражается в потухновении старых корпораций, разных сословий, привилегий и преимуществ рождения. И в Греции, и в Риме самый выдающийся факт из этой области — это гибель наследственной аристократии, служилого класса, соответствующего русскому дворянству, в Греции — владычество, в Риме — nobilitas, в Монголии — старшая аристократия, в России — служилое дворянство и полководец; в момент гибели этой старинной корпорации, становится видно какую существенную роль играла она в образовании и защите национального государства.

Вспомогательно, что происходит во время упадка в области духовной и материальной культуры. Несомненно все же и тоньше становится техника, военные сооружения, но при всей блестящей внешности не хватает внутреннего вдохновения. Общественные нравы падают, храбрость, рыцарство и самоотверженность уступает место трусости, эгоизму, административной нечестности. Исчезновение национальной гордости и остроты, космополитическая интернациональная вялость расслабляет и парализует энергию и творческую силу нации.

Как будто эти два процесса культурный и национальный идут параллельными, но противоположными ходами: один вверх, другой вниз. Ничего национального греческого и национально римского нет в беллетристике философии эпохи. Когда те господствовавшие великие нации начинают исчезать: в должностях по управлению, в военном командовании, в литературе выдвигаются иностранцы, кельты, в России — немцы, у монголов — персы, китайцы и татары.

Принято говорить, что русская культура до Петра-1. была "самобытной". Позволю себе согласиться с этим лишь относительно. На заре русской культуры мы видели, что в ее создании участвовали иррические князья с своими дружинами, хотя это была скорее культура "гостинного двора и наемников караванов", затем гигантское православие и 300 лет монгольского владычества, давшего Московскую Русь свое великодержавие и ханат в виде самодержавия. Монголы неудержимо влияли на русский быт, характер и обычаи, крепко с ними сливаясь настолько, что по своему биохимическому коэффициенту $\frac{1}{3}$ она ближе и родственнее к кохрциенту крови монголо-тюркских народов $\frac{1}{5}$, чем к кохрциенту крови кельтов и западных славян $\frac{2}{3}$. Эти позднейшие научные открытия приводят нас к заключению, что "родство" славянской зрелости — лишь, лишь родство языка — фант.

Из татарской школы вышло царство Ивана Грозного, Русь Московская, как птенчик из яичной скорлупы, из Монгольского государства вышла на широкую дорогу великодержавности и национальной "самобытной" культуры. Но не долго продолжалась эта самобытность блестящего царства. Иванов 3 и 4, она рушится не от внутренних причин, а под давлением западно-европейской техники, бывших в руках, хотя и меньших по числу, но более культурных поляков и шведов.

После смуты московские политики пытаются модернизировать свое национальное государство на новый лад и тем неизменно стали на путь упадка. Все больше у них вырабатывается пренебрежение к своей культуре и преклонение перед одолевшим их западом. Восстановленная держава, при уменьшенных средствах организуется по европейскому образцу с его бюрократией, бюджетом и постоянным войском, для чего понадобился кадр иностранцев специалистов, а в качестве одной из бюрократических форм утверждается до сих пор незнакомое востоку и сложившееся под влиянием западного капитализма - крепостное право.

Не менее важные процессы совершились и в области духовной культуры. Петр I был неистовый западник со слепой верой в их машину и в их учение. Наплыв чуждого просвещения заставляет забыть все свое старинное. Постепенно бюрократизованные государственные верхи отделяются от народной массы. В то же время образованное общество привыкает смотреть на государство, как на внешнюю силу. Этого разобщения общества и государства, интеллигенции и народа не было в 16 веке. Странно звучит на первый взгляд, если сказать, что Курбский и Грозный были по вкусам, складу понятий и образу жизни ближе к простолюдину своего времени, чем в наш демократический, но в это сильно европеизированный век, товарищ-комиссар из полуобразованных горожан к крестьянину. "Окно, прорубленное в Европу" Петром I превратилось в широкую дверь, куда сильно подул вольный ветер нигилизма, атеизма, социализма, интернационализма и прочих "духовных ценностей запада", пока он не превратился в революционную бурю коммунизма, этого последнего детища европейской культуры. Русская революция есть прямое наследие периода копирования европейской культуры. Это копирование начато Петром Великим и доведено до логического конца В. Лениным.

Вся российская интеллигенция, будучи детищем 200 летнего духовного оплодотворения европейской культурой России, сейчас не желает осознать всей пагубности влияния духовной /не технической/ культуры запада на Россию, так как это самопризнание было бы некоторым унижением, на что способны немногие. Все же Россия не стала Европой и русские в западной Европе чувствуют себя более чужим, чем в Азии. В России в сущности создались вде нации, говорящих на разных языках, с разными понятиями, чуждая и часто враждебная друг другу; это - народ и небольшой, европеизированный его слой /интеллигенция/. Во время революции народный слой "скинул" с себя слой интеллигентный, как ненормальное оплодотворение чуждой культуры, хотя позже опять попал в руки ее же питомцев - интернационалистов, большевиков.

Нельзя не отметить особенного сходства многих мест в судьбах России и Рима, русских и римлян. Рим во главе старо-итальянцев существовал как могучее государство, как сильная нация в эпоху Сципионов и Пунических войн, когда боролся за право самостоятельного существования и вместе с тем неудержимо стремился к расширению. А в эпоху Нерона и Адриана римляне были чиновниками и откупщиками, составляя привилегированное сословие граждан, они прилачивались в качестве орудий громадного державного механизма, но уже не были нацией; у них для национальной жизни уже не было крепости, активности и воинственности, резкого отгораживания себя от других.

Почти эти же самые качества приходится отмечать и у русского народа, начиная с 18 века и до сих пор, все глубже и дальше. Катастрофа нашего времени представляет отдаленное последствие национальной культуры. В 19 веке стерлись окончательно старинные традиции, развилась подражательность, утратились самобытные цели жизни, ослабел пульс жизни...

В императорский период Россия старалась всем аппаратом государственной власти "обрусить и опроломанить" все свои 106, считая и больших, подчиненных наций. Эта задача не только не достигла своей цели, но имела обратное действие, потому что сам господствующий великорусский народ подвергся европеизации, а кроме того представлял из себя не больше половины населения империи. Родственные великоруссам народы и племена, как украинцы, белорусы и даже так много сделавшие для империи казаки были урезаны в своих политических, административных и культурных правах, они также, наряду с другими инородцами русифицировались. Этот винегрет из народов оказался слишком большим и неудобоваримым, чтобы он мог перевариться за 300 лет в русском желудочном соку и он разразился катастрофой в 1917 году. Ассимиляционные мероприятия совершенно не имели скольконибудь значительного успеха, а у иных народов даже вызвали обострение национального самосознания.

Денационализация в быте, кусах, понятиях и верованиях завершается денационализацией духовной. Главную роль в этом играет язык. Народ оттягивается от своего языка в пользу другого, более развитого, этим он становится на путь ассимиляции. Его участь печальна. Он должен выучивать чужие звуки, не им выработанные представления. Первоначально он становится в положении детей, обучаемых звукам, истинного смысла которых они не понимают. Если некоторые представления можно объяснить наглядно, то духовные понятия этому не поддаются. Для уразумения их надо обратиться к прошедшей истории народа, выработавшего эти представления, надо вникать в его идеалы, подчиняться его мирозерению. Вследствие этого духовная жизнь такого человека становится в зависимость от чужих представлений, она сводится к простому подражанию. Сила самобытного творчества иссякает и роль языка как бы теряет свое прежнее значение, когда до смысла каждого слова нужно доходить при помощи толкований, значение смысла доступен не всем, а для простого народа эти слова пустыя звуки, не дающие никакого представления.

Духовное просвещение народа, говорящее чужим или варваризованным языком чрезвычайно бывает затруднено, оно делается достоянием только небольшого слоя интеллигенции, которая духовно отрывается от своей народной массы и не влияет или вредит на нее. Отсюда -- разделение высших классов, как образованных, от низших, как непросвещенных и вот где надо искать причину трагического расслоения между русской интеллигенцией и русским народом. Общеизвестно, например, что язык русского интеллигента непонятен мужику.

Этот же самый процесс мы видим и истории чешской, когда после Белогорской битвы в 1620 году, чешский язык подвергся гонению, запрещен в школах и учреждениях, перестала появляться на чешском языке литература, а интеллигенция, воспитанная на немецкой культуре стала гнущаться своего языка, а некоторые писатели, как Ан. Коменский писать на языке латинском. Приблизительно то же самое было и в Югославии. Даже теперь еще некоторые дома хорватов и словенцев употребляют в обиходе язык немецкий, а далматинцы итальянский. Такова картина денационализации -- потеря своего национального и ассимиляции -- одновременное усвоение чужого и приспособление к чужому.

Усвоение общечеловеческой цивилизации не предполагает отречения от своей народности, мы лишь против духовного обезличения народа, когда все стригут под одну гребенку, мы против искусственных искривлений народного быта. Безусловно Петр I делал тяжкое преступление против духа своего народа, когда мерами административной власти ломал весь народный быт, весь уклад его жизни, коверкал даже внешний покров одежды, все родное и естественное заменяя чужим, когда скромных русских девиц силом погнал на публичные ассамблеи -- дансинги, где сводили молодых людей обоего пола, когда старых почтенных бояр заставлял курить, насмехаясь их чиханьем и кашлем.

Обычай народный весь составлен из мелочей, неимеющих повидимому большого значения, но ведь кремеистые твердые воздвигнуты из микроскопических остатков Эренберговских инфузорий. Из мелочных подробностей быта слагается громада обычая, единственная твердая опора народного и общественного устройства. Его важность еще не достаточно оценена. Обычай есть неписаный закон, но отличается от закона писаного тем, что последний чем-то внешним, случайно принима-

ющимся к жизни, а **обычай** является силой внутренней, проникающую во всю жизнь народа, в мысль и совесть всех его членов. Цель всякого закона, его окончательное стремление, есть превращение в **обычай**, перейти в плоть и кровь народа и не нуждаться уже в письменных документах. Обычай есть не только старомодное, пережиток старины, он беспрерывно развивается вместе с жизнью, изжитые обычаи сами предаются забвению, а новые складываются. Значение и сила **обычая** именно в том, что он есть результат народного творчества в его преемственном развитии, что он **опирается** на всеобщее убеждение, а не на писанный документ. "Хороший закон перейдет в **обычай**" /Хомяков/.

Национальная история должна быть историей народной жизни, совершающейся лишь при содействии государственного начала. Главный источник прогресса — в народной **самодеятельности**. Государство не должно брать на себя творческую роль, становиться на место **живых народных сил**, иначе перед нами будет не нормальное развитие народной жизни, а ломание ее, а сам народ лишенный возможности своего массового творчества, начинает духовно хиреть и отставать. Типичным примером может служить жизнь русского народа, который **привык** уже все ждать сверху в порядке манифеста, декрета и приказа.

Поэтому только те культурные приобретения прочны, которые усваиваются свободно. "Все имеет настолько цену, насколько они делаются свободно и искренно". В особенности это надо применить к **началам бытовым и культурным**, в собственном смысле. Речь идет не против **заимствований** вообще, а против принудительного проведения их. Заимствование не убирает собственной оригинальности индивидуума, если оно проделывается разумно с полным проникновением в **глубокий смысл** заимствуемого, когда заимствующий имеет возможность возвыситься до его принципов, отделить внешнюю, чисто случайную форму от сути и видоизменять эти формы применительно к **условиям и потребностям местным**. Это же самое можно сказать не только о **заимствовании индивидуальном**, но и о **заимствовании целым народом**. Таким образом, слепое подражание и разумное заимствование явления **глубоко различные и по форме и по своим последствиям**; первое вредно, второе полезно. Мысль эта лучше всего выражена Киреевским: "разумное развитие отдельного человека есть возведение его в общечеловеческое достоинство, согласно с теми особенностями, которыми его отличила природа. Разумное развитие народа есть возведение его до общечеловеческого значения того типа, который имеется в самом корне народного бытия".

Национальное развитие должно быть преемственно, т.е. не разрывать связи с преданиями, потому что именно в них выражается народная индивидуальность, а в **обычае** заключается твердая точка опоры для самостоятельной критики всех реформ, **заимствований** и всякого рода шагов вперед. Поэтому общественные деятели всех угнетенных народов, **станшие на путь национального освобождения и возрождения**, в своей творческой деятельности, прежде всего должны стараться не расходиться с **духовным обликом родного народа**, базироваться на его природном мирозерцании, а полезные и необходимые заимствования непременно приспособлять к быту и нраву родной народной массы.

Только в **этом случае** развитие и прогресс народа будет процессом внутренним и действительным, а не внешним, и потому мнимым.

----ooOoo----

НИКОЛАЙ ГУЛЫЙ.

ВОСТАНИЕ КАЗАКОВ НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ
В МАЕ 1918 ГОДА /продолжение/.

Собравшиеся по мобилизации казаки и иногородние были сведены в роты, совместно те и другие, чтобы иногородние могли следить за казаками как за "ненадежным элементом". Но конная сотня была составлена исключительно из казаков. Нас, офицеров, в Ахтанизовской было шесть человек. Согласно выборного начала и по настоянию казаков я принял командование конной сотней,

подесаул Яногский - ротой, остальные офицеры - различными командами. Все казаки гинтопки и патроны имели "свои", но пулеметами были вооружены исключительно красноармейцы.

Нас мобилизованных, одну батарею, пулеметную роту и конный эскадрон красной гвардейцев направили через станицы Фонталовскую и Запорожскую к Керченскому проливу /у Азовского моря/ на косу "Чушка". Простояли мы там дней десять, разоряя хутора частных владельцев, на которых была возложена кормежка людей и лошадей.

Начальника отряда у нас не было, его заменял сам Беликов, который наезжал к нам через каждые день-два для дачи распоряжений. Также дело обстояло и с другими отрядами в Тамани и на косе "Тузла" /берег Черного моря/, где начальником отряда заменял также Беликов, делая насконки и туда.

Расстояние от нас /коса "Чушка"/ до "Тузлы", обогнув заливы, около 60-ти верст. Это расстояние покрывалось на коне нашим "командующим" в течение полутора часа, почему коня хватало только на одну поездку. Конь подыхал или оставался без ног, на смену брался другой, благо - запас был огромный.

Распоряжения Беликова заключались в том, чтобы мы как можно больше нажимали на хуторян, чтобы те получше кормили нас и лошадей. Были распоряжения и военного характера. Так, однажды, Беликов приказал вытащить из под навеса у одного из хуторян лакомобиль от молотилки и поставил его на отрог выдвигавшийся в пролив, чтобы немцы, заметив его, могли думать, что это огромная пушка. А чтобы лакомобиль более был сходен с пушкой, то на нем молотом были обиты основание для трубы и все торчащие части; котел был округлен и стал "похож" на пушку, хотя этой переделкой была уничтожена дорога стоящая машина.

- Ну, чтож? На то и "война". Она требует жертв.

Один своей наскок Беликов ознаменовал тем, что, взяв в руки косу, начал отрезать коням хвосты. Прделав эту операцию в эскадроне и артиллерии, стал подбираться и к сотне. Казакам большого труда стоило отстоять от изуродования своих коней, доказывая, что у нас - де - кони не казенные, а свои и что без хвоста конь по казачьему седлу "не лыче". Командующий свою энергию перенес на коней, бывших при повозках, как "казенных", так и у местных подводчиков.

Не удовлетворившись резкой хвостов коням, Беликов разослал гонцов по соседним хуторам, чтобы там переловили и всех кошек свезли к "штабу". Что и было исполнено. Слезенных кошек Беликов собрал в один мешок, зажавал в петехи ради, приказал пороть кошек плетью. Натешившись поркой, мешок с кошками бросили в море, шагов на 50 от берега, и "товарищи" начали "пулять" камнями и последний аккорд, это по мешку с кошками "резанули" из пулемета.

Вся эта дикая забава сопровождалась рваньем красных войск. Вот уж поистине командующий усладил звериные чувства "товарищей". Во время нашей стоянки на "Чушке" отношение между казаками с одной стороны и красными с другой обострились до крайности, до напряжения. Каждая сторона, как говорится, была на чеку, из боязни быть застигнутыми врасплох и истребленной. Этим положением я задумал воспользоваться, что положить начало борьбы с оккупировавшими нас бандами, так как в конечном итоге офицеры должны были быть истреблены или им осталось бросить казаков и ночью бежать в плавни. Это совершенно не вязалось с чувством долга перед казаками и терроризованным населением полуострова, которых, после офицеров, также ожидала расправа, хотя бы за то, что последние не принадлежали к люмпен-пролетариату.

Перед уходом из своей станицы я получил как-бы негласное полномочие от своих станичников. Ко мне подходили старые казаки и втихомолку говорили: "Вам доверяемо наших детей". Остальное без слов мне было понятно чего хотят казаки. В то же время старшие казаки все время что-то наказывали казакам моей сотни.

/продолжение следует/.